

Т. А. Жданко

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ И ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Национально-государственное размежевание советских республик Средней Азии было проведено Советским государством в 1924—1925 гг. Оно проходило на основе осуществления национальной политики коммунистической партии в соответствии со свободным волеизъявлением народов, стремившихся после освобождения от гнета царизма к объединению в суверенные национальные республики. В это время национально-государственное строительство шло во всей стране; претворялись в жизнь основные принципы ленинской национальной политики Коммунистической партии, обеспечившей полное равноправие народов, помощь им в преодолении экономической и культурной отсталости и свободу национального самоопределения. Общие интересы трудящихся различных национальностей, вставших на путь строительства нового общества, их стремление к объединению усилий и братскому сотрудничеству нашли свое практическое воплощение в создании в декабре 1922 г. единого многонационального государства — Союза ССР¹. Величайшая заслуга в создании СССР принадлежит Владимиру Ильичу Ленину.

Национальное размежевание Средней Азии, образование новых национальных республик и добровольное вступление их в СССР было важным этапом национально-государственного строительства, одной из главных вех становления и развития великого содружества советских наций.

Помимо прогрессивного воздействия на судьбы народов Средней Азии, этот исторический акт, подготовлявшийся под непосредственным руководством В. И. Ленина, приобрел и широкое международное значение². Во всей предшествующей истории не было подобных случаев мирного разрешения сложных государственных проблем, связанных с разделением по национальному признаку столь обширных территорий с многочисленным, этнически неоднородным населением. Образование национальных республик и областей Советского Востока и их дальнейшее быстрое развитие стали для поработанных народов зарубежного Востока и всего мира убедительным примером реальной возможности справедливого решения национального вопроса в странах, освободившихся от колониального гнета и вступивших на путь социалистических преобразований.

Исторический опыт национального размежевания Средней Азии всесторонне исследуется историками, философами, юристами; не меньшее значение имеет и этнографический аспект его изучения, в первую оче-

¹ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «Коммунист», 1972, № 3, стр. 3.

² См. А. А. Гордиенко, Создание советской национальной государственности в Средней Азии, М., 1959, стр. 213.

редь, освещение его роли как фактора, способствовавшего этническим процессам консолидации и этно-политической интеграции социалистических наций и народностей Средней Азии. Однако для разработки этой проблемы необходимо исследовать прежде всего ту своеобразную этническую ситуацию, которая сложилась в Средней Азии ко времени национального размежевания. Она учитывалась Коммунистической партией и Советским государством при осуществлении этого размежевания.

В период подготовки и проведения национального размежевания всесторонне и тщательно изучался среднеазиатский регион, накапливались новые материалы, уточнявшие этнический состав населения, численность и ареалы расселения основных народов и их локальных групп. Тогда же выяснилась необходимость неотложного изучения целого ряда теоретических этнографических проблем — определения уровня этнической консолидации отдельных народов, установления исторической подлинности этнономов и соотношения их с самоназваниями народов, изучения экономического, культурного и этнического тяготения к тому или другому крупному народу множества обособленных локальных этнографических групп и дисперсно расселенных мелких народностей.

Нужно было выявить также направленность и глубину ассимиляционных процессов в районах смешанного (например, узбеко-таджикского) населения, определить формы этнического самосознания, преобладающие языки у отдельных групп в таких районах. Все эти и многие другие этнографические проблемы приобрели остро актуальное, жизненное значение во время национального размежевания, поскольку они служили обоснованием для избрания оптимальных вариантов границ, территорий, наименований новых государственных и административных национальных образований.

Именно этот круг вопросов, возникавших в период национального размежевания в связи с исторически сложившейся в Средней Азии этнической ситуацией, рассматривается в данной статье.

* * *

Накануне национального размежевания народы Средней Азии, входившие в состав Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской Народных советских республик, находились на разных уровнях социально-экономического развития и этнической консолидации. Их этническая история была многовековым процессом, в котором участвовали в разном соотношении автохтонные и пришлые этнические компоненты древности, средневековья и нового времени. Черты этнической общности начали формироваться у народов Средней Азии — таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, казахов и каракалпаков — уже в IX—XII веках; в этот период складывались основы их языков, этнические территории, этнографическая специфика хозяйственного уклада и образа жизни.

В XIII—XIV вв. в связи с монгольским завоеванием на формирование народов Средней Азии оказали влияние значительные миграции с востока тюрко-монгольских племен, а в XV — начале XVI в. — передвижения кочевых и полукочевых узбекских племен, вызванные завоевательными походами Шейбани-хана и другими политическими событиями в Дешт- и Кыпчаке. В связи с этим исследователи обычно относят к XVI в. завершающий этап этногенеза узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков — народов, на этническом составе которых более всего отразились массовые миграции этих исторических периодов.

В XVI—XVIII вв., несмотря на феодальную раздробленность, постоянные войны и междоусобия правившей в Средней Азии военно-феодальной аристократии степных племен, на ее территории сформирова-

лись три очага централизации — Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, возглавлявшиеся узбекскими династиями.

Образование ханств означало лишь частичное, неполное преодоление феодальной раздробленности³. При господстве удельной системы попытки ханов преодолеть сепаратистские тенденции правивших отдельными областями племенных предводителей-феодалов были тщетны. В условиях непрерывных войн и распрей некоторые области многократно переходили во владения разных правителей; практиковались массовые насильственные переселения жителей завоеванных городов и селений, нередко были и миграции населения в связи с разрушениями ирригационных систем во время войн и междоусобий. Таким образом, не только социально-экономическая отсталость, но и общая политическая обстановка не создавали предпосылок для сплочения народов Средней Азии и развития процессов этнической консолидации. Действие такого важного фактора, как образование государств, что обычно является одним из важнейших условий нормального развития этнических общностей⁴, в создавшейся исторической обстановке не могло сказаться и потому, что все три ханства были этнически неоднородными. В Хивинском ханстве, помимо преобладавших численно узбеков, жили туркмены, казахи, каракалпаки, облагавшие усиленными налогами и повинностями. В Бухарском ханстве преобладали узбеки и таджики; жили здесь также туркмены, казахи и издавна поселившиеся мелкие народности — арабы, цыгане, среднеазиатские евреи и др. Таким же пестрым был состав населения Кокандского ханства, включавшего кроме узбеков, казахов, равнинных таджиков, каракалпаков и большой этнический массив киргизов. В Восточной Бухаре, в высокогорных областях и долинах Памира, за недоступными перевалами замкнуто жили мелкие припамирские народности — рушанцы, шугнанцы, ваханцы и другие, говорившие на древних восточноиранских языках, непонятных таджикам. Обособленность их от других мусульманских народов Средней Азии усугублялась принадлежностью к религиозной секте исмаилитов.

* * *

В первой половине XIX в., перед присоединением к России народы Средней Азии представляли собой этнические общности того характерного для феодальной эпохи типа, который принято именовать народностями. Они были широко известны мировой и в особенности русской науке, как вполне сложившиеся этносы, с определенными языками, с присущими им типами хозяйства, особенностями быта, материальной и духовной культуры, с установившимися для их основных этнических массивов этнонимами и территориями обитания, т. е. со всеми признаками или свойствами, обладающими «всеобщей значимостью в пределах этноса, традиционностью и характерными для данного этноса специфическими отличительными чертами»⁵. Вместе с тем, для них были характерны и те черты незавершенности этнической консолидации, которые, согласно стадияльно-исторической классификации этносов, отличают народности от наций: изобилие диалектных отличий в языках, множество локальных вариантов в культуре и быту и двойственность этнического самосознания — сознание принадлежности не только к определенному народу, но и к локальной, областной, земляческой или пережиточной родоплеменной группе. Если у таджиков и оседлых земледельцев узбеков преобладало в качестве второго «земляческое» самосо-

³ См. С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 297.

⁴ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 36.

⁵ Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», т. I, М., 1971, стр. 21.

знание, то у туркмен, казахов, каракалпаков и киргизов (кочевых и полуседлых) и у части узбеков (полукочевых) с разной степенью устойчивости сохранялось сознание своей принадлежности к определенным родо-племенным группам.

Известно, что в дореволюционной литературе, как и у некоторых авторов начала советского периода, наблюдалась тенденция принижать уровень социального и этнического развития этих, преимущественно скотоводческих, тюркоязычных народов. На основании того, что в XIX — начале XX в. у них еще устойчиво сохранялись пережитки родо-племенного деления, складывалось мнение о господстве у них родового строя, в этническом плане их характеризовали как аморфные конгломераты разрозненных племен. Позднее проблема социально-экономического и этнического уровня развития этих народов приобрела большое принципиальное значение; в период национально-государственного строительства такие теории способствовали пропаганде всевозможных националистических концепций — от великодержавно-шовинистических (утверждавших «преждевременность» национального самоопределения народов Средней Азии) до пантюркистских (отрицавших реальное существование сложившихся тюркоязычных народностей в Средней Азии). Буржуазные националисты-пантюркисты выступали против создания национальных советских республик, ратуя за объединение мифической «туркестанской нации» в «Тюркскую республику»⁶.

Между тем чрезмерная архаизация социально-экономического и этнического развития тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, использовавшаяся в свое время националистическими партиями и группировками, враждебными советскому государству, не имела научных, исторических обоснований.

Нельзя не учитывать отличие племенных групп, сохранявшихся в составе народов Средней Азии, от племен и родов действительно первобытного типа, которые реально существовали еще в XVII—XVIII вв. в краях более отсталых, чем степные районы кочевого скотоводства, например, у собирателей, охотников и рыболовов тайги и тундры Севера Сибири, переживавших переходные стадии от первобытно-родовой общины к классовому строю. На Крайнем Севере в указанный период племя реально представляло собой древнейший тип социальной и этнической общности. В противоположность этим племенам архаичного типа, сформировавшимся в народности в основном только в советский период, среднеазиатские племена кочевников и полукочевников существовали в классовом обществе⁷ и со времен средневековья органически входили в этнические общности таксономически более высокого порядка — народности; некоторые группы, называемые «племенами», несомненно, являлись осколками средневековых народностей, имевших в прошлом даже свои государственные образования (например, карлуки, кипчаки, найманы и др.). Многие крупные племена туркмен с их неоднородным этническим составом и сложным этногенезом представляли собой, очевидно, этнические компоненты огузской народности, формировавшейся в далеком прошлом, но не успевшей консолидироваться из-за неблагоприятных исторических условий⁸.

По существу же, по своему этническому облику, многие родоплеменные объединения в составе туркмен, казахов, каракалпаков, киргизов и др. тюркоязычных народностей Средней Азии в XIX в. скорее приближались к типу этнических общностей, именуемых этнографическими группами, чем к племенам первобытно-общинного типа; во всяком

⁶ А. А. Гордиенко, Указ. раб., стр. 134—135, 148 и др.

⁷ О поздних племенах классового общества см.: С. М. Абрамзон, Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ, «Сов. этнография», 1970, № 6, стр. 72.

⁸ С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969, стр. 162.

случае уже задолго до революции шел процесс их трансформации в этом направлении, несмотря на сохранение в их быту многих пережитков древности.

Известный знаток этнографии казахов А. И. Левшин еще в первой половине XIX в. писал: «Сколь ни были различны поколения, составившие нынешние киргиз-казачьи орды, но все они наконец слились в один народ, живший в одном месте... Язык, религия, образ жизни, нравы служат тому доказательством. Предания говорят то же»⁹.

Существует и множество других объективных исторических свидетельств, подтверждающих издавна сложившееся у этносов с пережитками родо-племенной этнической структуры и патриархального быта, сознание своей принадлежности к определенной народности; например, представление об общности происхождения и исторических судеб тех племенных групп, которые составили данную народность.

Отраженные в своеобразной традиционной форме генеалогических и исторических преданий представления о единстве происхождения и целостности народа существовали у туркмен, казахов, киргизов, каракалпаков¹⁰.

Росту этнического самосознания способствовало развитие в XVII — первой половине XIX в. в Средней Азии освободительных идей и народных движений против своих правителей ханов и иноземных завоевателей, вторгавшихся в Среднюю Азию. Передовые мыслители, поэты (например, узбекский поэт XVII в. Турды, замечательный туркменский поэт XVIII в. Махтум Кули) призывали к прекращению междоусобий, к объединению всех племен и родов своего «единого народа» для борьбы с общими врагами¹¹.

Некоторые исследователи обосновывают свое мнение о низком уровне этнического развития казахов и других тюркоязычных народов Средней Азии существовавшей, якобы, в XIX в. неустойчивостью их этнонимов, ссылаясь в частности, на ту путаницу, которую вызвала при Всероссийской переписи 1897 г. неясность и неопределенность наименований казахов и киргизов (казахов называли киргизами, киргиз-кайсаками, киргиз-казаками, киргизов — кара-киргизами, «дикочакаменными» киргизами, бурутами). Однако, это различие этнонимов было вызвано отнюдь не отсутствием у данных народов устойчивого самосознания. В частности, у казахов оно появилось уже в XV в., у киргизов еще ранее. В русских документах XVI—XVIII вв. казахи еще именовались «казачьей ордой». Замена подлинного этнонима «казахи» названием «киргизы» (вероятно, для отличия их от русского казачества соседних районов Сибири) произошла позднее. Название «киргизы» вошло в официальные документы независимо от народа, продолжавшего употреблять свое самоназвание. Интересно, что еще в 1827 г. появилась статья А. Левшина «Об имени киргиз-казачьего народа», где он утверждал, что «киргиз-кайсакам дают чужое имя, которым ни сами они себя, ни соседи, исключая россиян, не называют... Киргиз есть название народа совсем другого... Название казак... принадлежит киргиз-кайсацким ордам с начала их существования, они себя иначе не называют. Под этим же именем известны они персианам, бухарцам, хивинцам и прочим на-

⁹ А. И. Левшин, Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей, СПб., 1832, ч. III, стр. 5.

¹⁰ См.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, Сочинение Абул-гази хана Хивинского, М.—Л., 1958; Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основе родословных сказаний, «Живая старина», 1894, III—IV; Н. Давкараев, Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы, Ташкент, 1959, стр. 192—195.

¹¹ См. С. П. Толстов, К двадцатилетию национального размежевания Средней Азии, «Сов. этнография», 1950, № 1, стр. 7—10; Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе, «Сов. этнография», 1960, № 2, стр. 9—10.

родам Азии»¹². Делали попытку восстановить подлинны этнонимы казахов и киргизов и другие ученые, например, Чокан Валиханов¹³, однако неверные наименования настолько прочно укоренились в официальной документации и историографии, что дожили до Октябрьской революции и даже до национального размежевания Средней Азии. Первые советские автономии этих народов носили названия Киргизской и Кара-Киргизской; лишь в апреле 1925 г. V съезд советов Казахстана восстановил исторически правильное название казахского народа, и республика была переименована в Казахскую АССР.

Весьма интересные и убедительные данные об уровне этнического развития указанной группы народов дают лингвистические исследования, в частности изучение истории их языков и диалектов. Известный советский тюрколог Н. А. Баскаков выделяет несколько типов диалектных систем, в том числе: а) диалектные системы, отражающие следы родоплеменной структуры; б) диалектные системы, в которых членение диалектов основано главным образом на территориальном признаке, хотя в этническом составе данного народа сохранялись следы родоплеменной структуры; в) диалектные системы тюркских народов, утративших следы родоплеменного деления и родоплеменные названия. Диалекты подразделяются автором на более ранние, совпадающие с племенными, и на исторически более поздние — феодализованные городские говоры. Согласно этой классификации, к первой категории «племенных» диалектов относятся диалекты туркмен, совпадающие с их крупнейшими племенами (йомутский, текинский, гокленский и др.). Диалектная система узбекского языка причислена к этому же типу, но к другой его группе, исторически более поздней: три группы узбекских диалектов — кыпчакская, огузская и карлукская развивались в сложных условиях этногенеза узбекского народа. В связи с этим, с одной стороны, в узбекских диалектах сохранялось племенное членение, с другой, — развивались городские говоры: из карлукского — наманганский, ташкентский, андижанский, а из огузо-кыпчакских — хорезмские. Что же касается языков киргизов, казахов и каракалпаков, то их диалекты (как и башкирские), по заключению автора, относятся ко второму типу диалектных систем, членение которых определяется уже главным образом не родоплеменной структурой, а территориальными признаками¹⁴. Действительно, как известно, диалекты киргизского языка распадаются на северную и южную группы; казахского — на северо-восточную, южную и западную; в каракалпакском языке — два диалекта — северо-восточный и юго-западный.

Территориальное членение диалектов говорит о том, что родоплеменные пережитки в этнической структуре казахов, киргизов и каракалпаков уже давно утратили значение определяющих факторов в языках этой группы этносов, вступивших в стадию этнического развития, соответствующую народности эпохи феодализма.

После присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX в., независимо от планов и политики царского правительства, объективным ходом истории на этой далекой окраине империи сложились предпосылки для некоторого сдвига в этническом развитии. Установление твердой политической власти прекратило феодальные войны и междоусобицы. С проникновением капитализма экономика постепенно оживала после многовекового застоя. Появились первые железные дороги, росла торговля, развивалось товарное хлопководство, в кочевых райо-

¹² А. Левшин, Об имени киргиз-казахского народа и отличии его от подлинных или диких киргизов, журн. «Московский вестник», 1827, ч. IV, № 14, стр. 432—433.

¹³ Ч. Ч. Валиханов, Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, стр. 97.

¹⁴ Н. А. Баскаков, Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», М., 1970, т. 5, стр. 682—688.

нах все более развивалось товарное скотоводство, возникли небольшие промышленные предприятия для переработки сырья. Край втягивался в сферу общероссийского рынка, и это повлекло за собой появление в среде народов Средней Азии новых, хотя еще и небольших, социальных прослоек — местных рабочих, буржуазии и буржуазной интеллигенции. Вопреки усилиям военно-полицейского административного аппарата, в Туркестан стали проникать передовые демократические идеи русского общества, направленные против национального неравенства, против политики самодержавия в Средней Азии. Внимание русских прогрессивных ученых, писателей, художников к истории и этнографии, языкам и быту местных народов также влияло на формирование национального самосознания. Талантливые поэты, ученые-просветители появились в среде узбеков, таджиков, казахов и других местных народностей; их произведения способствовали развитию литературных языков, зарождению национально-освободительных тенденций и настроений. Таким образом, при общей замедленности, застое этнического развития народов Средней Азии в дореволюционный период, у них все же пробуждалась национальная жизнь и культура, распространялось национально-освободительное движение. Часть узбекской и таджикской либеральной буржуазии была вовлечена в движение «джадидизма», предьявлявшего требования (хотя ограниченные и робкие) некоторых реформ, в частности — введения светского школьного образования. Рост национального самосознания и национального движения стал особенно ощущаться в Средней Азии и Казахстане после революции 1905—1907 гг. Все эти факторы привели к появлению у некоторых народов — узбеков, таджиков, казахов — зачатков процесса формирования буржуазных наций. Однако этот процесс так и не смог завершиться в колониальном Туркестане, и Октябрьская революция застала эти народности лишь на начальном этапе национального развития.

Одной из форм национального гнета царизма были препятствия, которые чинились развитию местных языков. Проводились идеи нецелесообразности развития и совершенствования «туземных наречий» «возведения инородческих языков в развитые литературные языки, в языки школы и науки»¹⁵. Это откровенно связывалось с боязнью роста национально-освободительных сепаратистских идей. В «Журнале Министерства народного просвещения» в 1867 г., при обсуждении вопроса об образовании инородцев на восточных окраинах Империи, было высказано такое суждение: «Самые попытки... дать письменность и некоторое литературное развитие наречиям, которым все это было до сих пор чуждо и возвести эти наречия на степень языков школы и церкви — не будут ли иметь непреложным своим последствием развитие инстинктов... способных отдалить их («инородцев») от русского народа?... и далее — «Утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школы и в церковь, и вы тем самым утвердите и разовьете соответственную народность!»¹⁶. Царское самодержавие создало в Средней Азии «режим, покоящийся на политическом беспорядке масс, игнорирующий национальные и экономические интересы местного населения... В таких тяжелых условиях жизни зарождавшийся процесс национальной консолидации народностей Средней Азии, естественно, не мог завершиться»¹⁷.

В Средней Азии еще продолжали преобладать факторы, тормозившие национальную консолидацию народностей. На основной террито-

¹⁵ «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», СПб, 1869, стр. 40.

¹⁶ «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, № 4—6, ч. 134, стр. 91—92.

¹⁷ «Народы Средней Азии и Казахстана», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 100.

рии края было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, в которое вошли части владений Бухарского эмирата, Хивинского ханства и все Кокандское ханство, полностью присоединенное (в 1876 г.) к России. Бухарское и Хивинское ханства в границах их значительно урезанных территорий были признаны вассальными государствами, находящимися под протекторатом России. Ханства были значительно более отсталыми, чем Туркестан, оказавшийся в составе Российской империи. Застойный характер феодализма, деспотизм эмиров и ханов привели их в упадок; фанатизм мусульманского духовенства препятствовал развитию культуры; крестьянство и трудовое население городов обнищало, разоренное налогами, эксплуатацией, поборами и вымогательствами многочисленных чиновников.

Государственные и административные границы разделяли на обособленные части этнические территории Средней Азии, заселенные одними и теми же народами. Как и до присоединения к России, узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки оказались расчлененными между тремя государствами — Российской империей (входившим в нее Туркестаном), Бухарой и Хивой — вассалами России. Казахстан тоже был разделен — часть его вошла в Туркестанское генерал-губернаторство, другая часть — в Степное генерал-губернаторство, а западные районы — в Астраханскую губернию. Закаспийская область долгое время управлялась особым «Временным положением» и только в 1899 году была присоединена к Туркестанскому краю.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла путь к свободному национальному развитию всем народам России, в том числе и народам Туркестана. В 1918 г. здесь началось национально государственное строительство; 5-й съезд Советов Туркестанского края провозгласил образование Туркестанской АССР (в границах б. Туркестанского генерал-губернаторства). В 1920 г. на территории Казахстана (в границах б. Степного генерал-губернаторства) была образована Киргизская АССР. Обе автономные республики вошли в состав РСФСР. Лишь в 1920 г. революция одержала победу в Бухарском и Хивинском ханствах; на их территории образовались Народные советские республики — Бухарская и Хорезмская. Это были «независимые унитарные народно-советские государства, своеобразная переходная форма к социалистическому государству диктатуры пролетариата»¹⁸. С 1920 по 1923 г. народно-демократическая власть осуществляла там коренную ломку феодально-деспотической системы управления, были созданы органы народно-советского государства, национализированы земля, банки, промышленные предприятия. Народы этих республик вступили на путь некапиталистического развития и незадолго до национального размежевания обе республики были преобразованы решениями своих курултаев — съездов Советов — в Советские Социалистические Республики.

Военная разруха, гражданская война не дали возможности Советскому государству немедленно после революции изменить установленные царским правительством границы государственных образований, разобщившие народы Средней Азии. В 1924 г. общая численность населения в трех республиках достигала 8.131,1 тыс. чел., из них на Туркестанскую АССР приходилось 5.254,6 тыс. чел., в Бухарской республике проживало 2.236,4 тыс. чел., в Хорезмской — 640,1 тыс. чел.¹⁹. Из общего числа узбеков, живших в трех республиках, около 67% находилось в пределах Туркестанской АССР, 22% — в Бухарской НСР, 11% в Хорезмской НСР. Таджики разделялись почти поровну между Бухарской

¹⁸ «От средневековья к вершинам современного прогресса», М., 1965, стр. 51.

¹⁹ Журн. «Новый Восток», 1925, № 8—9, стр. 48.

(52,3%) и Туркестанской (47,7%) республиками. Из всех туркмен свыше 42% жили в Туркестанской АССР (главным образом в Закаспийской области), 27% в Бухарской и 30% в Хорезмской республиках²⁰.

Однако, несмотря на тяжелую политическую и экономическую обстановку, даже в годы интервенции и гражданской войны Советское правительство удовлетворяло пожелания населения о частичных изменениях внутренних административных границ с учетом национального состава жителей. Так, в Туркестанской АССР Закаспийская область была преобразована в Туркменскую, в Бухарской республике были выделены компактные массивы таджикского и туркменского населения путем образования Таджикской и Туркменской областей; в Хорезмской республике по национальному признаку выделились Казахско-Каракалпакская область, Ташаузская (с преобладанием туркмен), Новоургенская область и Хивинский район, в которых преобладали узбеки.

Эти частичные национально-территориальные преобразования, проведенные Советским государством до национального размежевания по инициативе местного населения, несомненно, отражают стремления к воссоединению, к реализации права на самоопределение обособленных локальных групп туркмен, казахов, таджиков, каракалпаков, что служит одним из многих объективных свидетельств роста национального самосознания у этих народов, новой ступени их этнического развития.

Вскоре очередной задачей национальной политики советского правительства в Средней Азии становится уже коренное изменение государственных границ — национальное размежевание. Этому вопросу Советское правительство и Центральный комитет РКП(б) придавали первостепенное значение. В. И. Ленин предвидел необходимость государственных преобразований в Средней Азии и ему принадлежала теоретическая постановка этой проблемы: еще до создания СССР В. И. Ленин внимательно изучал состояние национального вопроса в Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской Народных Советских республиках. В 1920 г. он непосредственно занимался подготовкой национального размежевания, рассмотрел и одобрил проект туркестанских коммунистов и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР о дальнейшем развитии государственности в Средней Азии. В числе его замечаний и указаний по проекту было поручение составить этнографическую карту с предполагаемыми границами Узбекистана, Туркмении и Казахстана²¹.

В 1920—1921 гг., неоднократно возвращаясь к вопросу о новом государственном устройстве Средней Азии, В. И. Ленин выступил против предложений немедленного разделения Туркестана на ряд республик, против спешки в этом сложном мероприятии, требовавшем большой научной и политической подготовки, широкого выявления мнений трудящихся всех народов Средней Азии; он советовал, не предпринимая заранее вопроса о выделении тех или других республик, тщательно подготовить соответствующие материалы²².

* * *

С 1920 по 1924 гг. была проведена огромная работа по научной подготовке размежевания, в первую очередь — по изучению этнического состава и территориального размещения населения. Тщательно анализировались Всероссийская перепись 1897 г., а также переписи 1917 и 1920 гг., дореволюционные архивные фонды, статистические и другие материалы ревизии Туркестанского края сенатором К. К. Паленом (1900-е гг.). К изучению населения была привлечена созданная в 1917 г.

²⁰ «История Узбекской ССР», т. III, Ташкент, 1967, стр. 379.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

²² Там же, стр. 153.

в Российской Академии наук «Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран» (КИПС). Организуется подготовка и издание всякого рода сводных материалов, списков народов, статей о составе населения Средней Азии и его истории, составляются этнографические карты.

В этой большой государственной работе по подготовке национального размежевания принимали деятельное участие крупные ученые — историки, этнографы, востоковеды — И. И. Зарубин, М. С. Андреев, А. А. Семенов, П. П. Иванов, А. А. Диваев и др.²³ Многие из них направлялись в специальные этнографические командировки и экспедиции для сбора необходимых данных.

Ввиду недостатка точных данных о численности и национальном составе населения, необходимых для правильного решения проблемы национального размежевания, в дополнение к проведенной в 1920 г. переписи населения, охватившей в Средней Азии только Туркестанскую АССР, было решено организовать в 1924 г. специальное экспедиционное обследование населения Бухарской и Хорезмской республик, где еще никогда до этого не проводились переписи. Впервые в истории этнический состав жителей ханств подвергся детальному научному исследованию²⁴. Участники экспедиции получили инструкцию в сложных, смешанных по этническому составу селениях выяснять пожелания самих жителей о включении в ту или другую республику. Немного позднее была организована, по инициативе Средазбюро ЦК РКП(б), другая крупная государственная экспедиция — для выборочного изучения хозяйства и социально-экономического строя населения наименее известных районов Средней Азии. Были детально обследованы и описаны одиннадцать отдельных волостей во всех трех республиках. Изданная Комиссией в 1920-х гг. серия из одиннадцати томов «Современный кишлак Средней Азии» до настоящего времени является неоценимым научным источником не только для экономистов, но и для этнографов²⁵.

Одновременно и в тесной связи с подготовкой национального размежевания велись начатые еще ранее научные исследования с целью обоснования экономического районирования Средней Азии. Большую роль в организации всех государственных обследований края в эти годы играл Среднеазиатский экономический совет, созданный в 1923 г. для направления экономической деятельности Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик.

Было создано впервые в Средней Азии Статистическое управление, издавшее два тома «Статистического ежегодника»; ряд ценных для изучения этнического состава и этнографии населения данных содержала и серия «Материалы по районированию Туркестана»²⁶. Еще далеко не достаточно изученные литература и архивные фонды материалов по

²³ См. например: И. И. Зарубин, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925; его же, Население Самаркандской области, Л., 1926; А. А. Семенов, К проблеме национального размежевания Средней Азии (историко-этнографический очерк), «Народное хозяйство Средней Азии», 1924, № 2—3; И. П. Иванов, Население (в кн. «Вся Средняя Азия», Ташкент, 1926); М. С. Андреев, Из результатов экспедиции в Кызыл-Кумы, «Бюллетень Среднеаз. госуд. университета», 1925, вып. 9; его же, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г., «Изв. Туркест. отдела РГО», 1924, т. XVII; А. А. Диваев, Этнографические материалы по казак-киргизам Туркестана, «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 1; его же, Опись этнографических материалов, собранных в Семиреченской области в 1920 г. особой командированной комиссией, Там же, и др.

²⁴ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I, «Бухара», ч. II, «Хорезм», Ташкент, 1926.

²⁵ «Современный кишлак Средней Азии. Социально-экономический очерк», вып. I—XI, Ташкент, 1926—1927.

²⁶ «Статистический ежегодник 1917—1923 гг.», т. I и II, Ташкент, 1924; «Материалы по районированию Туркестана», вып. 1—2, Ташкент, 1922—1924.

подготовке национального размежевания²⁷ представляют собой исключительно ценный источник для этнографов, исследующих проблемы современности, и в частности — современные этнические процессы. Впервые за историю этнографической науки в этот период накопилось столько синхронных и охватывающих крупные территории массовых, тщательно собранных этнографических данных, в том числе этностатистических сведений и этнических карт. В качестве исходного исторического этапа для изучения современных этнических процессов чрезвычайно важны и те тонкие, глубокие наблюдения, которые были сделаны во время экспедиционных обследований в области национальных взаимоотношений и этнических взаимодействий. В особенности этим ценным качеством отличаются работы экспедиции И. П. Магидовича, проводившего в 1924 г. обследование территории и населения б. Бухарского ханства.

Необходимость учета этнического самосознания населения при разработке вопроса о включении той или иной территории в границы национальных республик требовала от исследователей, подготовлявших научные данные для комиссии по национальному размежеванию, большого внимания к мелким, этнически неустойчивым группам со слабо выраженными тенденциями этнического тяготения к тому или другому крупному народу, с неопределившимся или «двойственным» родоплеменным этническим самосознанием. В результате этих наблюдений исследователям удалось выявить весьма важные этнические процессы, в частности постепенное исчезновение сознания принадлежности к родоплеменным группам в процессе консолидации узбекской нации. С этой точки зрения исключительный интерес представляют отмеченные И. П. Магидовичем градации «двойственного» этнического самосознания у полукочевых узбеков в обследованных им районах; он установил как бы несколько ступеней (уровней) процесса утраты ими сознания принадлежности к определенной родоплеменной группе. «Есть среди бухарских узбеков,— пишет И. П. Магидович,— такие, у которых даже старики сначала просто не понимают вопроса «к какому племени или роду принадлежит», а затем после долгих разъяснений отвечают, что племен и родов (у них. — Т. Ж.) нет. Другие называют себя прежде всего узбеками, только после длительных расспросов прибавляют название своего племени или родового союза и по всем признакам не очень твердо знают свою родословную. Третьи на вопрос о национальности прежде всего называют свое племя, а затем не так уже охотно говорят, что они узбеки. И, наконец, четвертые — кипчаки, найманы, тюрки часто противопоставляют себя узбекам, киргизам и казахам...»²⁸.

Не менее важные материалы были собраны и обобщены в это же время И. П. Магидовичем и другими исследователями об еще одном направлении национальной консолидации узбекского народа — завершении процесса слияния этнографических групп так называемых сартов (узбекоязычных) с узбеками, что отразилось на этническом самосознании этих групп. Сложный этногенез узбекского народа, связанный с несколькими волнами тюркских племен, оседавших на протяжении веков в оазисах среднеазиатского междуречья Амударьи и Сырдарьи, обусловил сохранение в его составе пережитков деления на три, несколько отличавшихся одна от другой этнографические группы, потомков трех основных компонентов («пластов») этногенеза: первая — потомки тюркизированного еще в VI—XII веках местного ираноязычного населения, исконно оседлые земледельцы и жители городов; их

²⁷ См. Л. М. Ланда, Советская историография национально-государственного размежевания Средней Азии, «История СССР», 1964, № 6.

²⁸ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I—«Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I—«Бухара», стр. 180.

обычно называли сартами; в Ферганском, Ташкентском и Хорезмском оазисах это наименование было наиболее устойчивым, оно служило основным самоназванием у коренного оседлого тюркоязычного населения. Вторая этническая группа — «тюрк», потомки столь же давнего тюркоязычного населения, однако, не осевшего и сохранявшего полукочевой быт и родоплеменное деление. И, наконец, третья — узбеки — потомки пришедших вслед за войсками Шейбани-хана степных племен, расселившихся в Средней Азии в XV—XVI вв., также сохранявшие пережитки родоплеменного деления; самоназвание их перешло к консолидировавшейся узбекской народности²⁹. Взаимодействие узбеков и сартов произошло весьма интенсивно на протяжении нескольких веков; однако, наряду с преобладавшим у исследователей мнением о том, что различия между ними заключались лишь в образе жизни и хозяйственном укладе, существовало и мнение об их этническом различии — отдельно они фигурировали обычно и в литературе, и в переписях населения — вплоть до национального размежевания, когда вопрос о соотношении сартов и узбеков стал предметом внимательного изучения. И. П. Магидович пишет по этому поводу: «Материалы статистических переписей и обследований, начиная с 1897 г., подтверждают миллионами показаний самого населения, что нет особого народа сарт, отличного от узбеков, и нет особого сартовского языка, отличного от узбекского»³⁰; он отмечает далее, что при каждой переписи или административном опросе в городах и селениях Ферганы и Ташкентского уезда — в «центрах сартовской оседлости» «количество сартов катастрофически убывало», и что подобная неустойчивость самоназвания могла существовать лишь потому, что «само опрашиваемое оседлое тюркское население не видело никакого различия между словами «узбек» и «сарт», но охотнее называло себя первым именем».

Как известно, в переписи 1926 г. «сарты» уже не фигурируют. Однако, сохранение обособленности узбекоязычных групп «тюрк», так же, как и кипчаков Ферганской долины и кураминцев Ташкентской области, выражавшейся в их этническом самосознании, оказалось более устойчивым, и лишь последующие переписи и этнографические исследования установили их постепенную интеграцию и растворение в составе узбекской нации³¹.

Не менее интересные наблюдения этнических процессов сделали участники экспедиции И. П. Магидовича в районах смешанного узбекского и таджикского населения б. Бухарского ханства, где многовековые контакты привели к процессам этнического взаимодействия. Наряду с узбекизированными группами таджиков, экспедиция выявила немало мелких групп узбеков, воспринявших черты культуры таджиков, говоривших на таджикском языке, признававших себя таджиками, но сохранявших при этом узбекские племенные этнонимы³².

Мы привели лишь некоторые наблюдения одного из исследователей населения Средней Азии периода национального размежевания относительно этнических процессов, происходивших в первые годы Советской

---

²⁹ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941; М. Г. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 167—172; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 18—20.

³⁰ «Материалы по районированию Средней Азии», «Бухара», стр. 174.

³¹ См.: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 13; Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 6; Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, М., 1959.

³² «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 231—234.

власти, но начавшихся, разумеется, значительно ранее, в дореволюционный период.

Наряду с некоторой консолидацией народностей и наций, в дореволюционной Средней Азии наблюдались и другие этнические процессы: продолжалась длившаяся несколько веков языковая ассимиляция и аккультурация среднеазиатских цыган, арабов и евреев; шел процесс ассимиляции в среде узбекского населения некоторых групп туркмен (в районах Нуратинских гор и Средней Амударьи) и каракалпаков (в Самаркандской области). Проявлялся в известной мере процесс сближения местного населения с русскими — главным образом в переселенческих районах Казахстана и Киргизии; контакты с русскими крестьянами-переселенцами помогали кочевникам-скотоводам приближаться к земледелию и оседлой жизни, а переселившиеся из центра России крестьяне заимствовали у местных жителей опыт ведения хозяйства в специфических природных условиях края, осваивали их языки.

Этнические контакты усилились в Советский период — в новых условиях становления и развития социалистических наций и народностей. Изучение их составляют одно из главных направлений исследований этнографов на современном этапе³³.

* * *

Вся совокупность столь широко и серьезно поставленных работ по подготовке национального размежевания позволила приступить к составлению проекта территорий и границ новых республик и автономных областей, разработанного на основе экономических и этнографических данных, с внимательным учетом пожеланий населения и задач дальнейшего социалистического строительства. Это давало возможность научно-обоснованно подойти к практическому решению сложной государственной задачи. Реализация национально-государственного размежевания стала возможной в 1924—1925 гг., когда закончилась гражданская война, окрепли в республиках органы Советской власти, было восстановлено в основном народное хозяйство республик, росли национальные кадры, стало быстро развиваться народное образование, культура, искусство на национальных языках. В 1923—1924 гг., как упоминалось, Хорезмская и Бухарская народные советские республики были уже преобразованы в социалистические. После утверждения предложений трех среднеазиатских республик о национальном размежевании, ЦК РКП(б) и Союзным правительством была создана Центральная территориальная комиссия из представителей республик и областей, а также из представителей всех основных национальностей края.

Проект Центральной территориальной комиссии стал основой для определения границ новых союзных республик и автономных республик и областей. 16 сентября 1924 г. III Чрезвычайная сессия ЦИК Туркестанской АССР приняла закон о проведении национального размежевания и «Обращение ко всем народам Средней Азии и Туркестана». Постановление о национальном размежевании, его сущность, задачи широко разъяснялись и обсуждались во всех республиках, в городах, кишлаках и кочевых аулах. В феврале 1925 г. состоялись Учредительные съезды в Узбекской и Туркменской ССР, избравшие свои правительства и принявшие декларации о вступлении в СССР.

³³ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Указ. раб.; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева, Об этнических процессах на территории южной Туркмении. «Сов. этнография», 1964, № 5; Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6; Г. П. Васильева, Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969; Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского базиса, Нукус — Ташкент, 1963 и др.

Декларация, принятая I Учредительным съездом Советов Узбекской ССР, провозглашала от имени всех народов Узбекистана добровольное желание Узбекистана войти в состав Союза ССР: «Трудящиеся массы узбекского народа перед лицом всего мира заявляют о своем непреклонном решении о добровольном вхождении в Союз ССР на правах полноправного члена...»³⁴. Подобные же решения принял и Учредительный съезд Туркменской ССР.

Подтвердилось предсказание В. И. Ленина, еще в 1916 г. писавшего о том, что «трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»³⁵.

Добровольное вступление в могущественный Союз ССР стало одним из решающих факторов, обеспечивших народам республик Средней Азии быстрый и всесторонний прогресс, переустройство общества на социалистических началах. Братская помощь других народов страны позволила им в кратчайший исторический срок ликвидировать унаследованную от дореволюционного прошлого экономическую и культурную отсталость, осуществить культурную революцию, построить социализм и встать на путь коммунистического строительства.

В итоге национально-государственного размежевания были образованы, помимо двух союзных республик, автономные республики и области, объединившие все основные народы Средней Азии; в состав Узбекистана вошла Таджикская АССР. Киргизия была выделена в автономную область, вошедшую в РСФСР (в 1926 г. она стала автономной республикой).

Каракалпакская автономная область вошла в Казахскую АССР, которой были переданы также находившиеся до этого в составе Туркестанской республики Семиреченская область и районы Сырдарьинской области, населенные казахами. В дальнейшем, по мере развития этих национальных республик и областей, изменились и переходили на высшие ступени формы их государственности. Так, в 1929 г. Таджикская автономная республика была преобразована в союзную, причем территория ее увеличилась за счет придания ей Ходжентского округа, населенного в основном таджиками. Еще в 1925 г. в ее составе была образована Горно-Бадахшская автономная область. В 1936 г. были преобразованы в союзные республики Казахская и Киргизская АССР. В 1932 г. Каракалпакская автономная область преобразовалась в АССР в составе РСФСР; в 1936 г. она вошла в Узбекскую ССР³⁶.

Естественно, что главным результатом национального размежевания было изменение соотношения этнических групп населения в пределах каждой республики Средней Азии.

Вновь образованные республики воссоединили прежде расчлененные, разобщенные народы. Во всех союзных и автономных республиках, образовавшихся при национальном размежевании, основная национальность представляла компактное большинство.

В Узбекскую ССР вошло 82% всех узбеков, живущих в СССР, и они составили 76,1% всего населения республики. В Туркменскую ССР — 94,2% всех туркмен, они составили 71,9% населения Туркмении. В пределах Таджикской АССР оказалось 75,2% всех таджиков, составивших 71,2% населения республики. В Киргизию вошло 86,7% всех киргизов, что составило 66,2% ее населения. В Казахской АССР

³⁴ «История Узбекской ССР», т. III, стр. 406.

³⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 36.

³⁶ Подробнее о национально-государственном строительстве отдельных республик см.: Х. Т. Турсунов, Образование Узбекской Советской социалистической республики, Ташкент, 1957; А. Нусупбеков, Объединение казахских земель в Казахской ССР, Алма-Ата, 1953; С. А. Раджабов, Таджикская ССР — суверенное советское государство, Душанбе, 1957, и др.

сосредоточилось 93,4% казахов СССР, составивших 57,4% всего населения республики. Наконец, в Каракалпакскую автономную область вошло 79,3% всех каракалпаков и они составили 38,1% населения автономной области³⁷.

Однако учет национального состава был основным, но не единственным принципом при создании новых республик. Учитывалась также необходимость одновременного научно-обоснованного экономического районирования Средней Азии, обеспечения каждой республике и автономной области всех условий, способствующих развитию экономической общности, принималось во внимание экономическое тяготение территорий к тем или другим городским центрам, исторически сложившиеся хозяйственно-бытовые связи жителей городов и сельских местностей, земледельческих оазисов и районов животноводства.

Поэтому было признано целесообразным небольшие группы узбекского населения, издавна жившие в этническом массиве казахов (например, в районах Туркестана и Чимкента), не включать в состав Узбекистана. В пределах Узбекистана остались некоторые районы с казахским и таджикским населением. При установлении экономических целесообразных новых границ, писал В. И. Ленин, — «отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за „национального“ момента нелепо и невозможно»³⁸. Именно с этих позиций рассматривался вопрос о судьбах таких городов как Бухара, Самарканд и другие, вошедших в состав Узбекистана, при наличии там большого числа таджиков.

В ходе осуществления национального размежевания было проведено и экономическое размежевание — распределение между новыми государственными образованиями всех материальных ценностей — фабрик, заводов, посевных площадей, поголовья скота, культурно-просветительных учреждений, чтобы после размежевания каждая из новых республик располагала достаточными материальными ресурсами, необходимыми для успешного развития народного хозяйства и культуры. Принималось во внимание также расположение водных источников и ирригационной сети, имеющих в условиях Средней Азии первостепенное жизненное значение.

В процессе проведения национального размежевания пришлось решать немало спорных вопросов, преодолевать трудности, связанные с экономической и культурной отсталостью края. Коммунистическая партия боролась против попыток контрреволюции использовать в своих целях наследие прежней национальной вражды, исказить смысл и задачи национально-государственного размежевания, против проявлений буржуазного национализма и великодержавного шовинизма.

Национально-государственное размежевание послужило сильным толчком к развитию политической активности народов, их участию в политической жизни, в управлении государством; политика равенства языков, введение национальных языков в административное управление, судопроизводство приблизило к народным массам органы власти, не говоря уже о значении непосредственного участия представителей трудящихся в правительственных органах государства и во всех звеньях административного управления. Образование национальных республик способствовало также развитию национального самосознания за счет преодоления пережитков земляческого и родоплеменного этнического самосознания. В процессе быстрого роста экономики и культуры в республиках формировались все элементы социально-экономической и этнической общности, присущие нациям эпохи социализма.

Развитие образования, письменности, литературы на родных языках, формирование национального театра, музыки и других видов

³⁷ Журн. «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 116—125.

³⁸ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 24, стр. 149.

искусства обусловили становление новых национальных форм культуры, социалистических по содержанию.

Образование советской национальной государственности устранило предпосылки национальных противоречий, многих причин, вызывавших национальные трения, рознь, а иногда и вражду, упрочив дружбу и мирное сотрудничество между нациями. «Мы хороним окончательно все еще так или иначе сохранившиеся остатки и пережитки запутанных национально-правовых отношений, оставленных в наследство колониальной политикой царизма» — говорилось в обращении ЦИК Туркестанской АССР ко всем народам Средней Азии в связи с национальным размежеванием³⁹.

* * *

Дальнейшая консолидация социалистических наций Средней Азии выражается в росте их этнической монолитности, в исчезновении диалектов и некоторых этнографических особенностей прежних локальных и этнических групп.

Все большее значение приобретает происходящее уже с первых лет Советской власти постепенное сближение наций, связанное с образованием новой исторической общности — советского народа. «Множатся общие для всех наций черты во всех сферах материальной и духовной жизни советских людей»⁴⁰. Отличительной чертой этнического процесса сближения наций является отнюдь не ассимиляция, не поглощение одной из наций другой, а возрастающая их интернационализация — проявление общесоветских черт в экономической жизни, культуре и духовной жизни народов. Сближение наций — процесс двусторонний, затрагивающий обе контактирующие этнические общности. Интернационализация реально выражается в общем ослаблении этнического фактора, распространении нейтральной в этническом отношении («городской») культуры, широком взаимодействии и взаимном обогащении культур различных народов⁴¹. Характерной особенностью ее является также двуязычие или многоязычие — при необязательной языковой ассимиляции.

«Интернационализация, происходящая в сфере культурной жизни нашей страны, означает прежде всего процесс складывания единой по своему социалистическому содержанию культуры. Неотъемлемым компонентом этой культуры является идеология интернационализма»⁴².

В период коммунистического строительства усиливаются замечательные черты ленинской дружбы и сотрудничества народов СССР. «Всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе»⁴³.

В документах XXIV съезда партии, в Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР формулируется тезис о том, что «теснейшее единство, всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей Советской страны определяются природой нашего строя, выступают как объективная закономерность развития социализма»⁴⁴.

³⁹ См.: Х. Т. Турсунов, Образование Узбекской Советской социалистической республики. Ташкент, 1957, стр. 219.

⁴⁰ «Коммунист», 1969, № 3, стр. 10.

⁴¹ Л. В. Хомич, О содержании понятия «этнические процессы», «Сов. этнография», 1969, № 5, стр. 85—86.

⁴² Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 11.

⁴³ «Коммунист», 1972, № 3, стр. 8.

⁴⁴ «Коммунист», 1972, № 3, стр. 10.

Закономерность этого двустороннего процесса, его диалектического единства выявляется и в историческом акте ленинской национальной политики — национально-государственном размежевании республик Средней Азии в 1924—1925 гг. и добровольном вступлении их в Союз ССР. Недаром еще современники национального размежевания высказывали мысль, что было бы правильнее называть его не «размежеванием», а воссоединением и дальнейшим сплочением народов Средней Азии в великом содружестве социалистических наций и народностей Союза Советских Социалистических Республик.

**THE DELIMITATION OF NATIONALITIES
AND STATES AND PROCESSES OF ETHNIC DEVELOPMENT
AMONG THE PEOPLES OF MIDDLE ASIA**

The National Delimitation carried out in Middle Asia in 1924—1925 and the voluntary entry of the sovereign national republics of the Soviet East into the USSR is considered in the article in its ethnographic aspect as a factor promoting the formation of socialist nations in Middle Asia and their rapprochement with other Soviet nations and nationalities. The ethnic situation that had historically arisen in Middle Asia up to the time of the National Delimitation is closely examined as well as the preparation for this act in the field of scientific research and theory which necessitated more precise and detailed data on the ethnic composition of the population of the republics and an urgent elaboration of a number of ethnographic problems connected with national consolidation processes among the peoples of Middle Asia; this had to be done with the utmost possible consideration of the ethnic self-consciousness of various dispersely settled local groups and small nationalities in delimiting the boundaries of the new states

---